



Анатолий Пантелеевич ДЕРЕВЯНКО — ведущий российский ученый в области археологии и древней истории. Комплексные экспедиции под его руководством открыли более тысячи местонахождений древнего человека. Этот уникальный материал по древнейшей истории Евразии обобщен в более чем 80 монографиях и 700 научных статьях на 15 языках.

Анатолий Пантелеевич — крупный организатор гуманитарной науки в России и Сибири, один из руководителей ряда интеграционных проектов, в том числе — по истории и культуре скифского мира, изучению палеоклимата планеты. Он — один из создателей и главный редактор серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», а также международного археологического журнала «Археология, этнография и антропология Евразии».

А. П. Деревянко — иностранный член Монгольской академии наук, член-корреспондент Германского археологического института, профессор-исследователь университета Аризоны (США), член Интеллектуального клуба ЮНЕСКО. В России научные заслуги А. П. Деревянко отмечены орденами Трудового Красного Знамени, Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Государственной премией РФ в области науки и техники.

В 2004 году действительный член РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН А. П. Деревянко стал лауреатом **Демидовской премии** за вклад в развитие гуманитарных наук России и научные открытия мирового класса в области археологии Евразии.

## «У меня душа номада»



Долина реки Эгийн-гол в бескрайних просторах Монголии, где «никогда не скучно ехать по одному и тому же маршруту...»

**Демидовская премия** — негосударственная награда выдающимся российским ученым — учреждена в 1832 году меценатом, представителем известной династии уральских горнопромышленников Павлом Демидовым, а присуждала ее экспертная комиссия Российской Императорской Академии Наук.

Место Демидовских премий в культурной жизни страны весьма значительно: с 1832 по 1865 году эту награду получили 58 ученых, чьи имена и по сей день составляют славу России. Например: химик Менделеев, хирург Пирогов (удостоен премии трижды), исследователь морей Крузенштерн, путешественник Врангель, востоковед отец Иоакинф (Бичурин), этнограф Снегирев и другие.

Уже первое вручение премии в 1832 году проводилось чрезвычайно торжественно на общем собрании Академии Наук, где в знаменитой речи ее президента — графа Уварова были, в частности, такие слова в адрес учредителя и лауреатов: *«Честь и хвала тому, кто употребляет избыток своего достояния на оживление полезных трудов, ...на доставление пособий тем, которые посвящают себя постоянным усилиям и скромной славе учености».*

Поскольку Павел Демидов в завещании наказал вручать эту премию еще 25 лет после своей смерти, в 1866 году история Демидовских премий прерывается. И возобновляется только в 1993 году, когда в Екатеринбурге по инициативе вице-президента Российской Академии наук Г. Месяца и губернатора Свердловской области Э. Росселя был создан Демидовский фонд. Теперь премия вручается ежегодно, и к денежному вознаграждению, эквивалентному 15 тыс. долларов, прилагается малахитовая шкатулка с именной серебряной медалью.

Для получателя Демидовская премия — всегда большая неожиданность: он не подает никаких заявок и не представляет свои работы. Экспертная комиссия сама выбирает достойного из членов Академии наук.

Демидовская премия сегодня — самая престижная неправительственная награда в стране в сфере науки. Для лауреатов престиж ее определяется еще и тем, что решение о присуждении выносят не чиновники, а коллеги-ученые, способные компетентно и объективно оценить научные заслуги.



**«О доблести, о подвигах, о славе...»**

...Демидовская премия для меня очень значима. Она самая престижная в России, знают ее и за рубежом. У нее красивая традиция, кроме того с самого начала — с XIX в. — предполагался очень жесткий отбор претендентов, а в присуждении проявляется меньше, чем где-либо, предвзятости. Приятно, что я оказался в «хорошей компании»: в числе лауреатов — Гурий Иванович Марчук, вклад которого в развитие сферы математического моделирования различных процессов трудно переоценить, и уралец Владимир Николаевич Большаков — крупнейший специалист в области эволюционной и популяционной экологии.

Важно для меня и то, что все мы работаем в отделениях Академии — Сибирском или Уральском — то есть связаны с огромной по масштабам и потенциалу частью великой России. Как у Блока: «Да, скифы мы, да, азиаты ...». А если серьезно: у выдающегося русского просветителя и публициста Александра Радищева есть книга с созвучным для нас названием «Сокровенное повествование о приобретении Сибири». Я думаю, именно сокровенная любовь к этому богатейшему краю еще подарит нам всем множество «открытий чудных». И главное — даст силы, чтобы не останавливаться «в приобретении новых знаний во славу его».



Южная Монголия, Гоби. Общий вид Кремневой долины — уникальной мастерской древнекаменного века, настоящего «музея» под открытым небом

## Любовь моя — экспедиция

Когда два года назад я был избран академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук РАН, то выдвинул два условия. Первое — в Москву переезжать не стану, второе — буду в прежнем режиме участвовать в экспедициях. Геннадий Андреевич Месяц сказал: «С нашей стороны никаких условий, только соглашайся». Согласился.

С тех пор продолжаю жить в Новосибирске, где руковожу Институтом археологии и этнографии СО РАН, — хотя числюсь теперь директором на «четверть ставки». А 11–12 дней в месяц провожу в столице, в Российской академии наук — на основной работе. И это только регулярные «миграции», помимо экспедиций. А с ними так: в прошлом году, в мае, сразу после общего собрания Академии наук, вылетел в Пекин, потом в Синьцзян, потом — опять в Пекин. Затем был в Улан-Баторе, работал в Монголии, на Алтае, потом — Кабардино-Балкария, Дагестан, Узбекистан, снова Дагестан... Словом, все лето провел в поле, отчето, признаться, счастлив. Для меня экспедиции — это кислород, сама жизнь. Не могу без них...



А. П. Дервянко со своим учителем — выдающимся российским археологом академиком А. П. Окладниковым



А. П. Дервянко с профессором Б. С. Сапуновым (Благовещенский педуниверситет) и академиком А. П. Окладниковым на раскопках

Фото А. Соловьева





Пещера Цаган Агуй в Гобийском Алтае — один из немногих в Монголии хорошо датированных археологических памятников, содержащий культурные остатки всех этапов палеолита и более поздних эпох

Хочу с нынешнего года начать полевые работы еще и в Иране. Это чрезвычайно важный для нас проект, потому что Иран — ключевой транзитный район на путях первоначальных миграций древнего человека. Наиболее перспективны в этом отношении его северная часть и регион, примыкающий к Афганистану: там огромные известняковые массивы, хорошие террасы и пещеры.

За границей, кстати, меня очень часто спрашивают: «Какая страна вам больше всего нравится?». Когда я во Франции, ждут, очевидно, что отвечу: «Франция», в Китае — «Китай», в Японии — «Япония»... Но я всегда отвечаю честно, что, после России, — Монголия. Это удивительное какое-то чувство... Видимо, я номад от рождения, и душа у меня номада-кочевника. Сколько бы мы ни работали там — по 10–14 часов в сутки, изо дня в день, — чувствую себя великолепно. 30–40 километров пройти по пустыне — не проблема. И никогда не скучно ехать по одному и тому же маршруту...

Монголия великолепна своей суровостью и контрастностью. Средняя высота над уровнем моря 1400–1600 метров. Это накладывает неповторимый отпечаток на пейзаж. Даже отсутствие в центральной и южной части страны растительности для любящего глаза превращается в своеобразную игру: когда с пригорка смотришь на долину, небольшой какой-нибудь водопойчик, она кажется зеленой, а когда подъезжаешь поближе, то видишь, что травинка от травинки находится на расстоянии десятков сантиметров. Почему-то у меня это вызывает нежное умиление...

Меня всегда завораживал образ из романа «Белое солнце пустыни» Рустама Ибрагимбекова (которого,

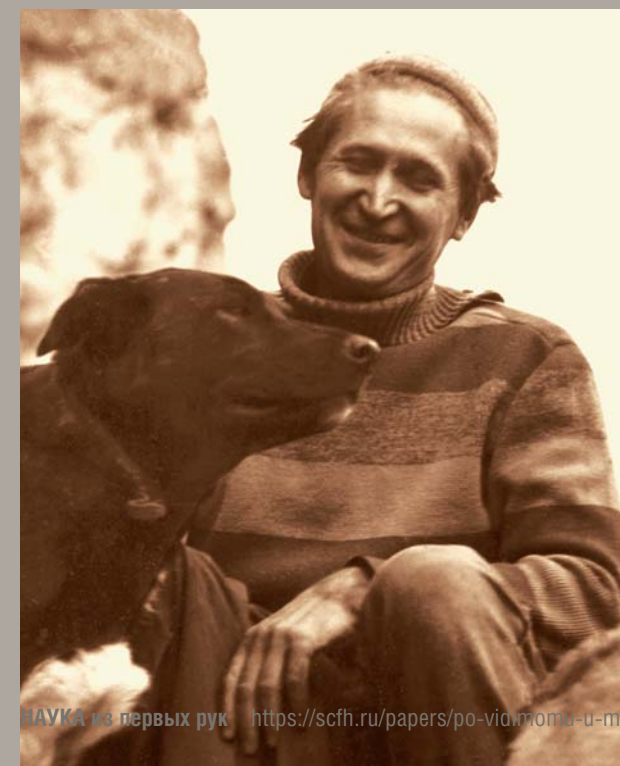


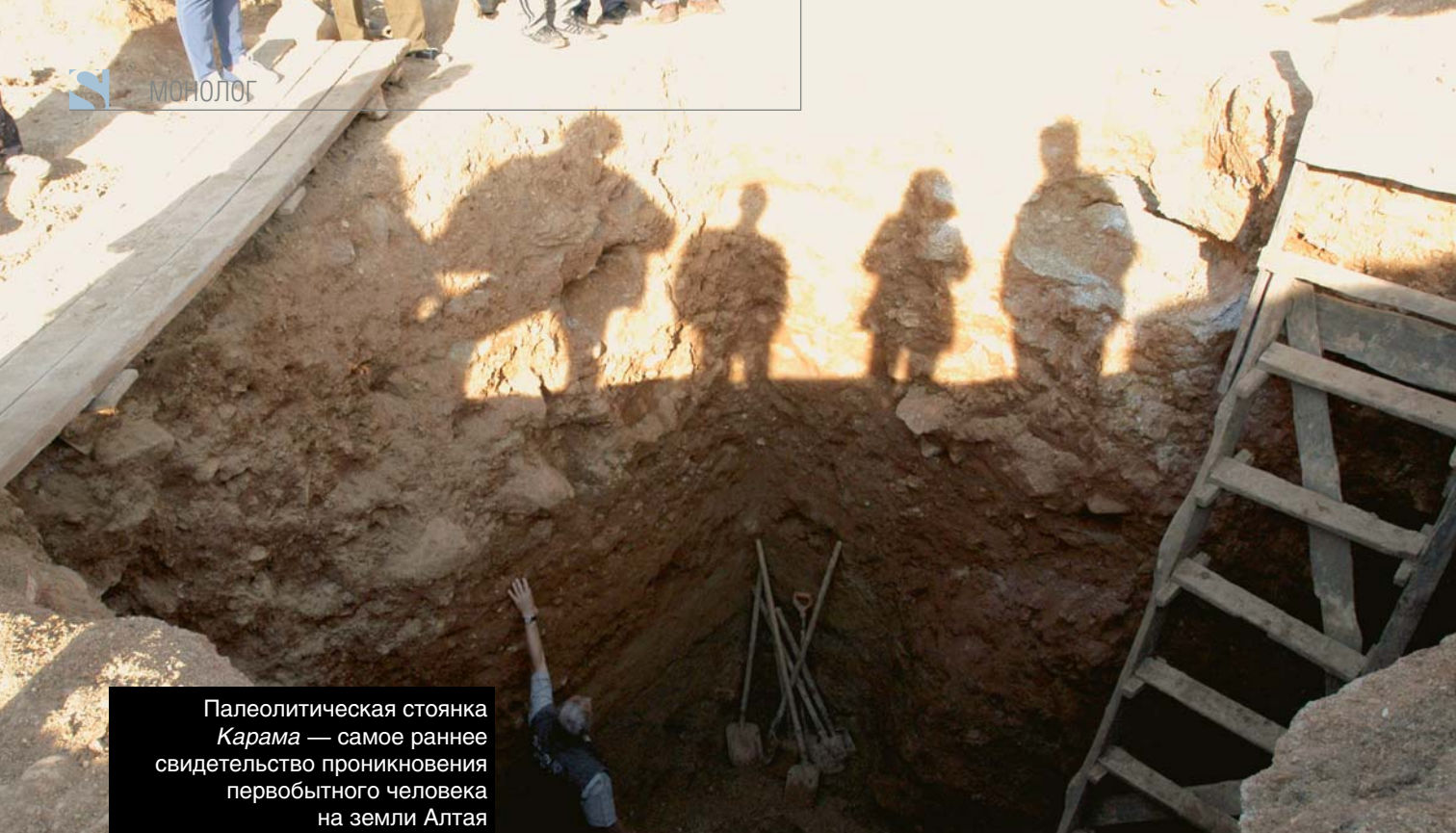
кстати, я хорошо знаю). А «ключ» к нему я отыскал в Монголии: когда там попадаешь в песчаную бурю, среди кромешного песка выделяется лишь солнце — холодный белый шар над черной взвихренной пустыней! Какая-то тревожная и величественная в то же время красота...

Можно наблюдать здесь и миражи: озеро, в котором в знойный день так и манит искупаться. Там ведь днем обычно умираешь от жары, а ночью ежишься от холода. Но и этот контраст приятен: замечательно можно выспаться после трудового дня! В общем, скажу крамолу: вне зависимости от того, как идут раскопки, — хотя «накопали» мы там уйму всего! — мне в Монголии всегда хорошо. Я люблю и Казахстан, юг его, и Алтай. Но Монголия — это мое, понимаете?

### Кто ЗНАЕТ, ЧТО ищет — тот находит

Когда-то Алексей Павлович Окладников на вопрос, что он ценит больше всего в жизни, ответил: «Радость нового открытия». Недавно мне задали аналогичный вопрос, и я понял, что археолог сформулировать суть нашей профессии иначе бы и не смог... Конечно, крупные идеи не рождаются неожиданно, вдруг — к ним ученые идут последовательно и постепенно. Любое открытие требует многих дополнительных подтверждений — это обычная схема. И бывая каждый год в экспедициях, мы не ищем чего-то абсолютно неизвестного — экспедициям предшествует очень серьезная подготовительная работа. Особенно если это новый





Палеолитическая стоянка *Карам* — самое раннее свидетельство проникновения первобытного человека на земли Алтая

район исследований. Обязательно изучаем геологию, геоморфологию, природные условия, которые там существовали, скажем, 20, 200 тысяч или миллион лет тому назад...

Совершенно неожиданным открытием сегодня является не сам факт, но скорее *качество* находки, и отсюда тянется уже цепочка, комплекс открытий сопутствующих. Как, например, открытие Пазырыка Натальей Викторовной Полосьмак. Конечно, это могли оказаться рядовые для археологии — разграбленные — погребальные комплексы... Чудо же состояло в том, что древние эти могилы сохранились в неприкосновенности и находились во льду. Благодаря чему мы впервые (собственно говоря, в целом для археологии) можем составить полное представление об уровне материальной и духовной культуры, существовавшей 2,5 тысячи лет назад. Если же вспомнить самую первую нашу

экспедицию на плато Укок — никто и не предполагал, что такое открытие — поистине мирового класса — здесь возможно... Но находит тот, кто упорно ищет, и при этом знает, что ищет!

Так, в значительной мере неожиданным было и открытие в Монголии уникальной Кремневой долины с бесчисленными каменными орудиями первобытного человека. Но ведь этой находке предшествовали небезуспешные 10-летние исследования монгольских археологических памятников.

Или наши работы в области алтайского палеолита — раскопки пещер, стоянок открытого типа: там мы безусловно тоже найдем еще очень много интересного. Но конечный результат — основательную концепцию, то есть настоящее открытие — мы получим только по завершении фундаментальных раскопок и исследований...

А. П. Деревянко с коллегами — д. и. н. С. Н. Астаховым (Санкт-Петербург) и д. и. н. Н. В. Полосьмак (Новосибирск) — на Тувинском нагорье

На раскопках стоянки Карам в живописной долине реки Ануй



## О чем мечтает археолог?

Самые смелые надежды — найти на Алтае скелет человека, скажем, раннего палеолита. У нас есть небольшие палеоантропологические находки, которые в настоящее время изучаются в Институте популяционной генетики человека и животных имени Макса Планка, в Лейпциге, — зубы, кусочек кости. Но полный скелет — это и есть, пусть и специфическая, но самая заветная мечта археолога.

И такие находки (хоть и очень редко!) случаются: например, в середине прошлого века американский археолог Ральф Салецкий обнаружил при раскопках в иранской пещере Шанидар непогребенные погребения, засыпанные цветами. Благодаря целостности антропологического материала удалось узнать много ценного о культуре того периода, — например, установить, что уже около 40 тысяч лет назад люди делали попытки ампутации конечностей и трепанации черепа... Поэтому, ведя раскопки в Денисовой, Каминной

и других пещерах, мы, конечно, очень хотим найти более полный «экземпляр» человека, чем имеем сейчас.

Хотя профессиональное умение археологов — посредством интуиции и воображения довольствоваться частью целого — чрезвычайно важно для исследователя. Причем, когда я говорю об интуиции и воображении, я имею в виду не фантазию в чистом виде, а способность к обобщению, к выстраиванию событий прошлого в стройной логике и последовательности. Что крайне необходимо для широких построений — к примеру, для сравнений процессов, происходивших на разных территориях. Не знаю, талант это или качество благоприобретенное, но встречается оно не у всех. У одних исследователей очень хорошее воображение и склонность к фантазерству, другие более зажаты — и уже достаточно вроде бы материала, чтобы сделать фундаментальные выводы или написать наконец книгу, а человек ждет еще чего-то: ему кажется, чего-то не хватает...



## Тропинка в лабиринтах строк

Я, кстати, сам всегда с удовольствием садился за письменный стол, причем не обязательно за научную работу. Например, книгу об Алексее Павловиче Окладникове, помню, просто «влет» написал. Единственный раз в жизни заболел, — появилось относительно свободное время, стал писать. И уже не мог остановиться, пока, как говорят, не поставил последнюю точку.

35 часов сна в неделю — для меня вполне достаточно. И раньше — лет десять назад — мог, допустим, в Новый год, часов в 7 наутро подняться и мысль, которая в рукописи на полуслове обрывалась, спокойно продолжить. Сейчас пишется так же хорошо, но что-то изменилось: уходит гораздо больше времени, чем прежде, чтобы снова войти в текст — я должен посмотреть, подумать... Что-то стало иначе и в моих взаимоотношениях с популярным жанром: труднее настроиться на «лирический» лад, написать о красотах природы... Только когда закончил работу о Валерии Трофимовиче Петрине — успокоился немного. Долго, правда, обдумывал, но потом сел и практически за один вечер написал небольшое эссе. Сам за себя порадовался — оказывается, не все еще потеряно: я в форме и не стал абсолютно казенным человеком...

(А страсть «писательская» у меня, наверное, с детства. Я ведь хотел быть журналистом — еще в школе публиковался. Когда окончил десятилетку, мама сказала: «Журналистов готовят в Москве, вот корову продадим, — поезжай...» Но в 1961 году я попал в экспедицию с Алексеем Павловичем Окладниковым, и все, «заболел» навсегда археологией...)

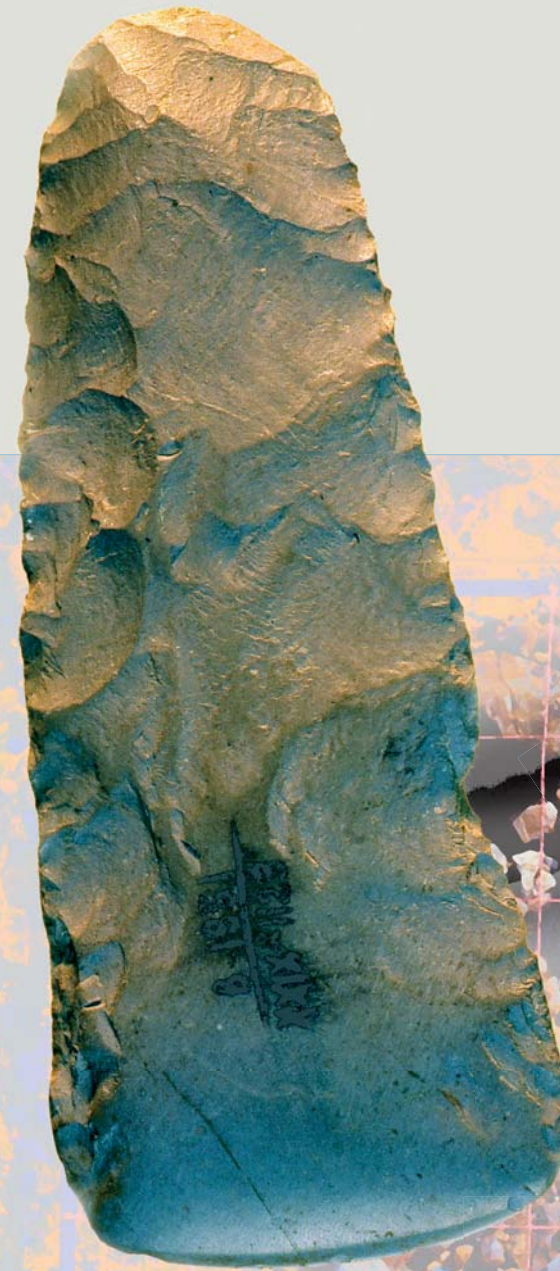
Сейчас на популярные тексты мне, вероятно, просто жаль времени, так как два года назад в Институте мы начали издавать серьезный археологический журнал — в цвете, на двух языках. Признаюсь — сегодня он вызывает настоящую зависть коллег и в Европе, и в Америке, и в Азии. Они тоже пытаются перевести журналы, которые там существуют уже по 100 лет, «на цвет», но это не так-то просто — переломить ситуацию... Создание современной полиграфической базы и нам далось непросто — далеко не все, к сожалению, понимают, что фундаментальная наука самым тесным образом связана с публикациями. Я горжусь, что наш журнал — единственный в Академии — выходит оперативно и на таком качественном уровне. Горжусь, что моим сотрудникам созданы самые благоприятные условия для публикации, то есть для быстрого введения в «оборот» результатов их научной работы.



А находки и открытия ученых Института археологии и этнографии СО РАН за два последних десятилетия, безо всякого преувеличения, уникальны. Благодаря им на Северную Азию и Южную Сибирь мы можем смотреть сегодня как на территории, где с полным основанием можно решать многочисленные научные проблемы, связанные с эволюцией человека, его древними миграциями, развитием культуры.

Именно поэтому нынешним летом мы собираемся провести на нашем алтайском стационаре «Денисова пещера» международный археологический симпозиум. Сделано много важных обобщений, вышло большое количество статей и монографий — очень важно, чтобы все, заявленное нашими авторами, профессионалы смогли «увидеть» на месте. Ведь очень многие наши выводы неожиданны. Например, переход к позднему палеолиту, культуре человека современного физического типа — он настолько ранний, настолько яркий, настолько невероятный, — ведущие специалисты в этой области должны все доказательства увидеть воочию, собственными глазами. У нас же нет сомнений: за последние 10–15 лет мы сделали открытия мирового класса!

*Редакция благодарит  
д. и. н. А. Н. Зенина и  
д. и. н. М. В. Шунькова  
(ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)  
за помощь в подготовке статьи*



В скалистом выступе над Ануем расположена пещера Денисова или «Дениска», как ласково называют ее археологи, — самое древнее пещерное жилище палеолитического человека на Алтае, и одно из древнейших — в России